

ОДНА из самых любопытных проблем, связанных с искусством сегодня, — это проблема восприятия зрителем, читателем, слушателем произведений искусства. Этой проблеме посвящаются книги, дискуссии, журнальные статьи. В декабре прошлого года в Ленинграде проходил даже специальный симпозиум «Проблемы художественного восприятия», в котором приняли участие такие, например, специалисты, как доктор филологических наук Б. С. Мейлах, народный артист СССР С. А. Герасимов, писатель М. Слонимский, доктор физико-математических наук И. И. Цукерман и другие.

Нам показалось интересным поговорить с проблеме взаимоотношений художника и зрителя с антрисой, которую зритель театра и кино знает и любит, — с **АЛЛОЙ ДЕМИДОВОЙ**.

В кино зрители смогли недавно познакомиться с целой серией ролей, сыгранных Аллой Демидовой. Это и поэтесса Ольга из «Дневных звезд», и лидер левых эсеров Мария Спиридонова в фильме «Шестое июля», и Ангелина в картине «Щит и меч», и многие другие.

Недавно на экраны вышел еще один фильм с участием Аллы Демидовой — картина Ильи Авербаха «Степень риска», поставленная по мотивам повести Николая Амосова «Мысли и сердце».

Мы начали с разговора о влияниях, которые оказывают, с одной стороны, зритель на актера, с другой — актер на зрителя.

— Как актриса театра, я понимаю, что зритель воспитывает, формирует актера. После театрального училища каждый из нас попадает в театр. И я думаю, что актер, попавший в театр, куда ходит зритель нетребовательный, случайный, если не сразу становится плохим актером, то, во всяком случае, идет к этому. Этот молодой актер сначала сопротивляется реакции зрительного зала, но постепенно уступает вкусу нетребовательного зрителя, сдается; там, где раньше актер старался играть тоньше, сложнее, начинает играть проще, «в лоб»...

АКТЕР

И

ЗРИТЕЛЬ

●

ИСКУССТВО И МЫ

Чем мне нравится наш театр, Театр на Таганке, где я работаю уже пять лет? Не только тем, что в творчестве у нас не чувствуется никакой иерархии званий, но еще и тем, что, как правило, к нам в театр приходит заинтересованный, понимающий и требовательный зритель, зритель — тонкий критик. И тут уж нельзя играть грубо, «в лоб», зритель сразу же замечает фальшь.

Особенно требовательный зритель бывает на премьерах, потому что он как бы заранее себя подготавливает. И мне кажется, что именно на обстановку премьеры должен равняться актер!

Это о влиянии зрителя на актера. С другой стороны, актер, театр влияют на зрителя. Опять пример из опыта работы нашего театра. Спектакль «Добрый человек из Сезуана» идет в театре уже лет пять, и раньше его воспринимали совсем по-иному, чем сейчас. Мы решили отказаться от грима. Я играла мать Суна, но не гримировалась под старую женщину и выглядела моложе его. Раньше брехтовскую драматургию понимали труднее. Тот же «Добрый человек из Сезуана» провалился в некоторых театрах. Сегодня зритель его видит. Он принял условия

игры. И в этом немалая заслуга актеров.

В фильме «Степень риска» есть такая сцена. Моя героиня приходит в кабинет Седова узнать о здоровье мужа и говорит:

— Если Саша умрет, кому-то из них надо будет подойти ко мне и утешать...

Сцена сложная. Раньше бы я, играя эту сцену, наверное, заплакала. Теперь я знаю, что если даже в этой тяжелой сцене моя героиня не заплачет, зритель поймет ее состояние, поверит ей. Иногда достаточно небольшого наклона головы. Я уверена, многие зрители прочтут и какой-то десятый план, подтекст. Зритель стал другой...

— Что вы думаете о «моде» на определенное произведение искусства или на какой-то коллектив?

— К сожалению, она существует и оказывает влияние. Театр на Таганке для многих лишь «моден». Модна какая-нибудь актерская фамилия. Часто зритель идет смотреть, слушать потому, что это модно. Такой зритель, конечно, менее интересен, идет на поводу, у него нет своего вкуса, взгляда на искусство. Этот зритель никогда сам не заметит новое имя, новое интересное произведение.

— Расскажите о более близком взаимодействии зрителя и актера.

— Теперь я ежедневно получаю не менее двадцати писем, почти в каждом разбираются мои работы. Но это, естественно, не значит, что во всех письмах одинаково серьезный и полезный разбор.

Если мне идти на поводу у очень многих зрителей, то я должна была бы играть только в таких фильмах, как «Щит и меч», и только такие роли, как Ангелина! У меня из двадцати писем в день, к сожалению, едва ли не девятнадцать именно таких...

Кстати, пока что самым строгим кри-

тиком и судьей моих работ являюсь я сама. Человек искусства чаще всего сам чувствует свои сильные и слабые стороны. И мы, актеры, так часто бываем собою неудовлетворены!.. В искусстве очень важно самовывявление. Без самовывявления трудно создать что-то первозданное...

Между прочим я не очень люблю ходить в театр, кино. И знаете почему? Я боюсь, что мне что-нибудь сильно понравится! И я захочу повторить. А повторение в искусстве смерти подобно...

— Алла Сергеевна, вы как будто все время говорите о театральном зрителе, а не о кинозрителе...

— Да... Зритель кино ничего не решает. Поэтому, мне кажется, актер де-квалифицируется, если он играет только в кино, — нет общения со зрителем, работаешь вслепую. Да и в картине ведь уже ничего нельзя изменить! А в театре всегда что-то можно изменить. Сегодня играешь так, а завтра по-другому...

— А вы ходите в кинотеатры на свои фильмы?

— Хожу... И всегда расстраиваюсь! Но, может, именно это расстройство помогает в следующей работе: может быть, неудовлетворенность, появление все новых к себе требований и есть движущие силы в искусстве...

Я еще никогда не была довольна своей работой! И острее всего это чувствую, сидя в зрительном зале... Я не смущалась, что на «Дневных звездах» зрители иногда смеялись в самых, на мой взгляд, трагических местах. Это фильм сложный, зритель еще не привык к такому кинематографу.

Реакция, наиболее близкая к той, которую мне хотелось увидеть, была на фильме «Шестое июля».

Мне хотелось затронуть и другую проблему. Обязательно нужна предва-

рительная реклама, рассказ о фильме, который зритель увидит. Как правило, зритель, идя в кино, покупает «кота в мешке». О спектаклях уже есть установившееся мнение, потому что они идут обычно долго. А в кино зритель часто попадает случайно. И в том, что он ничего не знает о фильме, виновата критика. Рецензии печатаются, как правило, после выхода фильма на экраны. Я думаю, лучше, если зритель идет в кино, имея представление о фильме. А когда «случайно» он попадает на «Дневные звезды» — допустим, ему хотелось посмотреть комедию, — он бывает кровно обижен, чувствует себя обманутым, что ли, и его внутренняя реакция не в пользу фильма...

— Интересно, вы какой зритель?

— Я, пожалуй, всегда смотрю непосредственно. Я люблю поплакать, если что-нибудь меня трогает! Помню, в Театре им. Маяковского смотрела «Мамашу Кураж» с Глизер в главной роли. Я сидела в первом ряду и плакала... Мне очень было неудобно перед актерами: они все видели. Но я не могла с собой ничего сделать. Всегда плачу, когда смотрю фильмы Чаплина. Зажигается свет, а я с заплаканными глазами... Ужасно неудобно...

— Каким вы представляете себе идеального зрителя?

— Идеальный зритель — мой муж! Я ему очень доверяю... А если серьезно, то я думаю, что нет идеального зрителя, потому что он очень различен. И это хорошо, что зритель разный. Разный зритель существует, наверное, еще и потому, что существуют разные художники. А спрос рождает предложение. Это не только в экономике, а везде! И я это говорю не только потому, что окончила экономический факультет МГУ...

Беседу вел **В. СТРУГАЦКИЙ**

На снимке: Алла Демидова.